

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ:
ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УВИДЕННЫМИ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Под редакцией доктора исторических наук
И. Р. Чикаловой

Минск 2002

УДК 930.8
ББК 63.3
Ж 561

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ имени Максима Танка

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор В.А. Федосик;
доктор исторических наук, профессор В.Н. Михнюк

Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Выпуск
2 / Гл. ред. И.Р. Чикалова. — Мн.: БГПУ, 2002. — 320 с.

ISBN № 985-435-359-2

Сборник научных работ подготовлен по инициативе кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка и содержит статьи белорусских, российских и украинских авторов. Затрагиваются различные аспекты соотношения пола и гендера в культурно-историческом пространстве, критически переосмысливаются взаимоотношения женщин с институтом церкви. Предметом рассмотрения является также социальный статус и положение женщин на различных этапах истории европейских стран, в том числе в период Средних веков, Нового и Новейшего времени. Исследуются конфликтующие интересы и альтернативный жизненный опыт женщин разных социальных категорий, гендерная идеология и гендерные политики в советское и постсоветское время.

ББК 63.3

ISBN № 985-435-359-2

С БГПУ имени М. Танка
С Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

И.Р. Чикалова

Женская и гендерная история: открытый проект5

Пол. Культура. Гендер

Е.И. Янчук

Культура порождает неравенство11

И.Л. Коган

Гендерная классификация социальных и культурных объектов18

Христианская церковь и женщина

В.А. Суковатая

Женщина в религиозной истории и феминистская теология33

Д.В. Мазарчук

Социальные роли библейских женщин54

Женщина в средневековом обществе

Л.В. Вансович

Знаменитые женщины средневековой Германской империи (X—XI века)61

Е.Н. Сурта

Средневековая женская мистика: Хильдегарда фон Бинген77

Гендерный аспект этнографических исследований

О.Р. Кись

Гендерные особенности брачного выбора в украинском селе конца XIX — начала XX веков89

В.В. Тугай

Латгальская женщина в XIX веке: черты правового положения и быта111

Социальные и политические опыты европейских женщин в Новое и Новейшее время: между традиционализмом и феминизмом

М.А. Буланакова

Основные черты социального опыта английских аристократок стюартовской Англии XVII века121

И.Р. Чикалова

Женский и детский труд в странах Западной Европы и США в XIX веке148

Н.В. Новикова

Пацифизм и интернационализм в британском суфражистском движении в
годы Первой мировой войны.....171

А.М. Ермаков

Женская «Служба труда» в Германии в годы Второй мировой войны.....198

В.В. Фрольцов

Положение женщин восточной Германии в 1990-е годы.....216

Гендерная идеология и гендерные политики в России

И.И. Юкина

Формирование феминистской идеологии в пореформенной России
(вторая половина XIX — начало XX веков).....229

И.Р. Чикалова

И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в России.....241

Ю.В. Градскова

Конструирование гендерных различий в контексте советского
культурного эксперимента 1920-х годов.....251

Г.Г. Карпова, Е.Р.Ярская-Смирнова

Гендерная идеология и социальная политика в официальном
дискурсе международного женского дня. 1920—2001 годы.....261

Т.А. Ровенская

Периодизация русского женского литературного движения 1980-х —1990-х годов.....290

Сведения об авторах.....310

ЛАТГАЛЬСКАЯ ЖЕНЩИНА В XIX ВЕКЕ: ЧЕРТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ И БЫТА

В ходе борьбы ведущих европейских государств за Прибалтику в силу сложившихся исторических условий Латгалия оказалась административно отторгнутой от остальной территории Латвии. До 1772 г. она входила в состав Речи Посполитой, а после ее первого раздела была присоединена к России и вошла в состав Витебской губернии. В 1917 г., когда в Латвии была провозглашена Советская власть, Латгалия административно соединилась с остальной частью Латвии. Поскольку Латгалия на протяжении длительного времени административно входила в состав Витебской губернии, этой культурно-исторической области были присущи те же черты, что и остальным белорусским губерниям: в ней преобладали небольшие деревни с чересполосным землепользованием, в то время как на остальной территории Латвии — хутора. Латгалия представляла собой район широких этнических контактов и взаимовлияний, поскольку в ходе исторического развития здесь поселились представители разных национальностей и конфессий. Совокупность географических, экономических, социально-политических и других факторов способствовала сохранению в повседневной жизни латгальских крестьян, в том числе и в семейном быту, некоторых специфических национально-этнических форм, которые не были характерными для остальной территории Беларуси.

Путем исследования и анализа различных сторон крестьянского семейного быта: форм и структуры семьи, ее внутреннего строя, взаимоотношений родственников, их прав и обязанностей в семье, организации домашнего хозяйства, брака, имущественных отношений и т.д. автор попытался показать роль и положение женщины в Латгалии. Изучение латгальской семьи и роли в ней женщины служит выяснению ряда вопросов этнической истории латышей, раскрытию национальной специфики их быта.

Доминирующей чертой положения в обществе латгальской женщины являлось ее правовое неравенство и экономическое угнетение.

Для Латгалии XVIII—XIX вв. были характерны две формы семьи — малая и неразделенная¹³⁹. Как правило, их отличительным признаком являлось число рабочих рук, в том числе и женских, которыми эти семьи располагали. Малые семьи, состоявшие преимущественно из одной супружеской пары с детьми и неженатых родственников боковых линий, обычно имели одного-двух взрослых работников-мужчин. Более сложные по составу неразделенные семьи имели обязательно двух-трех (иногда более) взрослых работников-мужчин и некоторое количество работников-подростков. Число женщин в малых и неразделенных семьях обычно превышало мужской состав. Наличие в семье нескольких трудоспособных мужчин выдвигало хозяйство в число крепких, тогда как преобладание женщин приводило к его упадку.

Домохозяин возглавлял полевые работы и, в основном, руководил работой мужской половины семьи. Иногда вследствие различных причин его заменяла жена¹⁴⁰. В некоторых работах — отдельных видах обработки льна, сенокосе, молотье — участвовали как мужчины, так и женщины. В обязанности женщин входило ведение домашнего хозяйства: приготовление пищи, стирка, поддержание чистоты в доме, уход за домашним скотом (кроме лошадей), заготовка и сохранение впрок продуктов питания, воспитание детей¹⁴¹. Кроме того, существовало более детальное разделение обязанностей в соответствии с возрастом, умением и навыками каждого члена семьи.

В неразделенных семьях в делах, связанных с ведением домашнего хозяйства, женщины подчинялись домохозяйке, а при выполнении полевых работ — домохозяину. Особенно

¹³⁹ Ефремова Л.С. Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860—1939. Рига, 1982. С.101.

¹⁴⁰ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф.2635. Оп.1. Д.434. Л.35.

¹⁴¹ Ефремова Л.С. Указ. соч. С.102.

большой властью и авторитетом пользовалась свекровь. В семьях, состоявших из нескольких женатых братьев, домохозяйкой считалась жена главы семьи, обычно это была старшая невестка. Домохозяйка, обладавшая большой властью в отношении женской половины семьи, в то же время находилась в подчинении у главы семьи.

Основной обязанностью домохозяйки было распределение между женщинами домашних дел и контроль за их выполнением. При этом в неразделенной семье учитывалась необходимость сочетания работ по хозяйству в целом с удовлетворением замужними женщинами нужд своей малой семьи. В действиях домохозяйки по определению обязанностей каждой женщины часто наблюдался произвол. Наиболее легкая работа доставалась дочерям или любимым невесткам. При этом принималось во внимание состоятельность семьи родителей невестки и величина приданого. Пристрастное распределение домохозяйкой домашних обязанностей, тяжелое, а нередко и унижительное положение женщины часто приводили к конфликтам между невестками, с одной стороны, и свекровью, с другой, а также между невестками и золовками. В неразделенных семьях сложилась достаточно узкая специализация труда женщин и при распределении обязанностей между ними соблюдались определенные традиции: наиболее ответственная, требующая трудовых навыков работа возлагалась на старших невесток.

Приготовлением пищи, например, занималась сама свекровь или под ее руководством старшая невестка, младшие невестки и дочери к приготовлению пищи по обыкновению не допускались¹⁴². Зато они, как правило, участвовали в полевых работах: во время уборки урожая жали, вязали снопы, на сенокосе сгребали сено и складывали в копны, обрабатывали лен; на них возлагался также уход за огородом. Замужние женщины, кроме того, занимались переработкой продуктов животноводства. Одной из наиболее утомительных обязанностей девушек и молодых женщин являлся размол зерна на ручных жерновах¹⁴³. В латгальском фольклоре часто встречаются песни, отражающие этот нелегкий труд: "Прежде всего весной — // Желтые одуванчики. // Прежде всего замужем — // У тяжелых жерновов"¹⁴⁴.

При полунатуральном характере хозяйства у женщин много времени уходило на ремонт и изготовление одежды. Каждая невестка полностью обеспечивала бельем и одеждой свою семью, а если свекор и свекровь были нетрудоспособными, — то и их. Одной из основных забот как самих девушек, так и их матерей, являлось приготовление приданого. Пряли и ткали, шили и вязали в основном в длинные зимние вечера. Посиделки сопровождалась песнями, а если не приходились на посты, то и танцами¹⁴⁵.

Тяжелый физический труд в поле, изнурительная домашняя работа не только подрывали здоровье женщины и приводили к ее раннему старению, но и в значительной степени задерживали ее культурный рост. Несмотря на довольно высокий уровень грамотности населения Латгалии, женское образование находилось на низком уровне. Крестьяне, усматривавшие практическую выгоду от обучения мальчиков, — грамотный скорее мог получить прибыльную работу, легче приспособиться к военной службе, а также активнее участвовать во всех делах крестьянского общества, — не видели никакой пользы в обучении девочек. Несмотря на это, латгальские женщины, впрочем как и латгальские мужчины, оставались в XIX в. наиболее грамотным населением в крае¹⁴⁶. Во второй половине XIX в. несколько изменился и быт латгальских крестьян: избы стали более высокими, светлыми, с двумя или тремя помещениями. Все это создавало более благоприятные условия для жизни латгальской семьи.

¹⁴² Центральный государственный исторический архив Латвии (ЦГИА). Ф.1607. Оп.1. Д.59. Л.1-8; Д.189. Л.1-11.

¹⁴³ Памятная книжка Витебской губернии. СПб., 1866. С.149.

¹⁴⁴ Вольтер Э. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, ч.1. СПб., 1890. С.264.

¹⁴⁵ Ефремова Л.С. Указ. соч. С.102.

¹⁴⁶ Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872. С.34.

Латгальская женщина довольно рано — в 16 лет — вступала в брак¹⁴⁷ и фактически попадала в полную экономическую и моральную зависимость от мужа. Это положение несколько изменилось в пользу женщины к началу XX в. Поздние браки, как правило, были повторными, что нередко было вызвано смертью одного из супругов. Родители часто выдавали дочерей замуж вопреки их желанию, исходя из своих материальных соображений¹⁴⁸. Если молодой человек выбирал невесту, негодную отцу, то им обоим нередко приходилось уходить из отцовского дома во избежание скандалов, на что, учитывая строгость отцовского воспитания в крестьянской семье, непререкаемый авторитет родительской власти, всемерно поддерживаемый католической церковью, мог решиться не каждый. Семейная жизнь латгальской женщины в XIX в. строилась на ярко выраженных домостроевских патриархальных началах, на подчинении жены мужу. Женское неравноправие было полным и всеобъемлющим. Так как в крестьянском хозяйстве и земля и имущество находились в руках мужчин, труд женщин, каким бы интенсивным и продуктивным он ни был, не обеспечивал ей экономической самостоятельности, и она всецело зависела сначала от отца, затем от мужа¹⁴⁹. Имели место случаи, когда муж прогонял жену. Волостные суды допрашивали свидетелей о поведении жены и, если в нем не было ничего дурного с точки зрения нарушения норм нравственности, обязывали мужа принять жену обратно в семью или, по крайней мере, выдавать ей и детям содержание, заключавшееся не только в питании, но и в предоставлении жилища¹⁵⁰. В начале XX в. с ослаблением патриархальных устоев участились случаи, когда латгальская женщина, не желавшая жить с притеснявшим ее мужем, обращалась в земскому начальству с просьбой о получении отдельного вида на жительство. Последний, выслушав показания свидетелей, подтверждавших невыносимые условия ее жизни в семье мужа, мог разрешить ей жить отдельно¹⁵¹.

В Латгалии нередко были межнациональные браки. В подавляющем большинстве при их заключении молодые отдавали предпочтение белорусам¹⁵², а супруги принадлежали к одному вероисповеданию, но если встречались браки представителей различных религий, то это, как правило, были белорусы и латыши¹⁵³.

Жизнь женщины-крестьянки в браке была тягостной. Даже во время беременности ей приходилось много работать. В 60—70 гг. XIX в. для родов часто использовали бани, которые стояли в стороне от остальных усадебных построек, что было вызвано не только гигиеническими соображениями, но и стремлением уберечь женщину и ребенка от сглаза¹⁵⁴.

Роды принимали деревенские повитухи, иногда свекровь или мать роженицы.

Квалифицированная медицинская помощь почти отсутствовала. Антисанитарные условия и невежество повитух часто приводили к смерти матери или ребенка¹⁵⁵. В народе бытовало много различных поверий и легенд, связанных с благоприятным исходом родов, проходивших в бане: "Где рождаются умные люди, // Где — стройные жеребятя? // В бане рождаются умные люди, // В конюшне — стройные жеребятя". Отдых женщины после родов был крайне непродолжительным. Уже на третий день крестьянка выполняла наиболее легкую домашнюю работу, а спустя неделю считалась полноценной работницей.

Новорожденного старались окрестить в течение недели, особенно в тех случаях, когда он родился слабым. В выборе имени участвовали родители, близкие родственники и крестные.

¹⁴⁷ Свод законов Российской империи. Кн. 3. Свод законов гражданских. СПб. Т. 10, ч. 1, п. 63. С. 7.

¹⁴⁸ Креслинь Я. Инфлянтя. 1896. №1-2. С. 163.

¹⁴⁹ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 122.

¹⁵⁰ Ефремова Л. С. Указ. соч. С. 162.

¹⁵¹ ЦГИА Латвии. Ф. 680. Оп. 1. Д. 707. Л. 2.

¹⁵² Ефремова Л. С. Указ. соч. С. 153-154.

¹⁵³ Там же. С. 153.

¹⁵⁴ Витебская губерния. Историко-географический обзор. Вып. 1. Витебск, 1890. С. 249.

¹⁵⁵ ЦГИА Латвии. Ф. 657. Оп. 1. Д. 14. Л. 67.

Часто ребенка называли именем того святого, в день которого он родился или его крестили. В XIX в. в латгальской деревне был широко распространен обычай давать новорожденному имя в честь отца и деда, матери и бабушки

К матери в крестьянской латгальской семье относились с большей теплотой и любовью, чем к остальным родственникам. Она, как правило, всю жизнь бескорыстно и самоотверженно трудившаяся ради благополучия детей, не являлась собственницей имущества, из-за которого между родственниками могла разразиться вражда. Со смертью домохозяина его вдова лишалась своего привилегированного положения в семье, и домохозяйкой становилась жена нового главы семьи. Престарелую мать-вдову, изъявившую желание жить самостоятельно, не могли судебным порядком принудить жить в семье сына или дочери. В то же время по существовавшему в латгальской деревне обычаю мать после раздела хозяйства мужа имела право жить у любого из сыновей¹⁵⁶. Мать, особенно потерявшая трудоспособность мать-вдова, переходила на содержание детей и традиционно проживала у того из них, к кому перешел отцовский дом. В семьях с доброжелательными отношениями между родственниками содержание матери не вызывало особых споров: она жила и питалась вместе с семьей сына или дочери. В противном случае братья и сестры нередко заключали между собой договор о ее содержании с подробным перечислением полагающегося матери количества продуктов. Однако и такие соглашения часто не соблюдались, в результате чего положение прежней домохозяйки резко ухудшалось¹⁵⁷. Так, крестьянка Карсавской волости Мейкулова указывала в жалобе в волостной суд, что она в течение 9 лет находится в семье сына на положении работницы, терпя от него и невестки постоянные оскорбления и обвинения¹⁵⁸. Аналогичную жалобу в 1880 г. направила крестьянка Пилдской волости Анна Криштофова¹⁵⁹. Известны случаи, когда сыновья вообще отказывались содержать престарелую мать и ей приходилось обращаться за помощью к крестьянской администрации¹⁶⁰.

Еще более тяжелой оказывалась участь мачехи-вдовы. Она имела право на хозяйство своего мужа только в том случае, если их брак был официально зарегистрирован. Часто пасынки спекулировали на этом, желая доказать, что мачеха не являлась законной женой отца. Начиналась длительная тяжба и поиск документов, подтверждавших брак. Пока выяснялась законность прав мачехи-вдовы, пасынки пользовались всей землей¹⁶¹. Бесправное положение крестьянок в неразделенных семьях явилось предметом специального обсуждения на Витебском губернском совещании в 1899 г. В решении совещания указывалось, что оно "считает необходимым расширить права жене домохозяина и женам сдольников в сводной семье вопреки обычному порядку, устраниющему их и вдов от участия в семейном совещании, касающемся распоряжения земельными участками"¹⁶².

Традиционный семейный быт и патриархальные нравы с наибольшей силой проявлялись и дольше сохранялись в неразделенных семьях зажиточных крестьян. В семьях хозяйственно слабых сложившийся порядок нарушался, а женщины нередко были вынуждены работать на стороне. По данным переписи 1897 г., в Витебской губернии в целом среди работавших по найму женщины составляли 42,4%¹⁶³. Из крестьянок, которые занимались местными и сторонними промыслами, 46% приходилось на женщин из малых семей земельных крестьян, 44,5% были безземельными и 9,5% из неразделенных семей. Таким образом, значительное

¹⁵⁶ Ефремова Л.С. Указ. соч. С.105.

¹⁵⁷ ЦГИА Латвии. Ф.1605. Оп.1. Д.740. Л.15.

¹⁵⁸ Там же. Ф.7067. Оп.1. Д.11. Л.88.

¹⁵⁹ Там же. Ф.725. Оп.1. Д.644. Л.1.

¹⁶⁰ НИАБ. Ф.2642. Оп.1. Д.90. Л.1.

¹⁶¹ Ефремова Л.С. Указ. соч. С.134.

¹⁶² Лозина-Лозинский М.А. Крестьянский двор // Вестник права. СПб., 1899. №5. С.6.

¹⁶³ Абезгауз З.Е. Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1971. С.109.

число женщин, работавших по найму, составляли малоземельные и безземельные крестьянки¹⁶⁴. Значительная часть женщин, уходивших на заработки, батрачили. Их было 33,5%. Обширную группу — 17,3% — составляла прислуга. 14% являлись ткачихами и выполняли работу по заказу, 8,4% занимались прядением шерсти и льна, 7,8% были горничными и 7,6% отмечены как отходницы¹⁶⁵. Из приведенных данных следует, что из числа работавших по найму женщин большинство батрачили или занимались переработкой сельскохозяйственной продукции.

Латгальские женщины обладали личной собственностью, которую составляли подарки, полученные от мужа и родственников во время свадьбы и различных праздников; сюда входили также имущество и денежные средства, перешедшие по наследству. Невестки получали шесть овец, шкуру коровы; приплод от скота также считался их собственностью¹⁶⁶. Но желание воспользоваться имуществом своих близких и стремление к обогащению нередко порождали бессердечные, а порой и жестокие поступки родственников по отношению друг к другу¹⁶⁷. Конфликтные ситуации часто возникали в семьях, где совместно с братьями проживали их незамужние сестры. Если последним не хватало энергии или здоровья отстаивать свои имущественные права в судебных инстанциях, то братья устраняли их от владения хозяйством. Положение сестер в таких семьях мало чем отличалось от положения батрачек, к тому же бесплатных. Пока сестра была в состоянии трудиться, она работала на семью, а с потерей трудоспособности в ней больше не нуждались и зачастую прогоняли¹⁶⁸. Крестьянка-вдова, жизнь которой в браке не сложилась, также имела мало надежды на теплый прием в семье братьев¹⁶⁹.

Таким образом, на протяжении XIX в. имущественное и правовое положение латгальской женщины и мужчины было неравноправным. Так как в крестьянском хозяйстве семейная жизнь женщины строилась на патриархальных началах, а земля и имущество находились в руках мужчин, труд ее не обеспечивал ей экономической самостоятельности, и она находилась в полном подчинении у мужа.

¹⁶⁴ Ефремова Л.С. Указ. соч. С.108.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ ЦГИА Латвии. Ф.1607. Оп.1. Д.10978, 10979, 10982.

¹⁶⁷ Там же. Ф.1607. Оп.1. Д.739. Л.2-5.

¹⁶⁸ Там же. Ф.1605. Оп.1. Д.774. Л.1-18.

¹⁶⁹ Там же. Д.265. Л.1-12.